

Каждый день в полдень Вэньюань гэ перед воротами Кайян оживал сильнее всего.

Тай-цун Великой Шан учредил Внутридворцовый кабинет для управления государственными делами, и с тех пор минуло уже почти пятьдесят лет. Все важные документы из ведомств шести министерств надлежало сперва направлять в Вэньюань гэ, где несколько министров изучали их и накладывали резолюции киноварью, после чего бумаги передавались в дворцовое управление ритуалов, а тамошние евнухи доставляли их на высочайшее рассмотрение императора.

Вот только ныне Его Величество не имел сил лично править страной, а потому все доклады, пройдя через резолюции Вэньюань гэ, отправлялись прямым в резиденцию князя Лянь.

Его Светлость князь Лянь отличался крайним усердием и порой даже лично наведывался в Вэньюань гэ, дабы ознакомиться с важнейшими государственными декретами.

Сяо Чжоцину предстояло путь держать в храм Дали, и дорога как раз пролегла через ворота Кайян. Когда он проходил мимо входа в Вэньюань гэ, там уже выстроилась длинная очередь из чиновников с официальными бумагами в руках – все они прибыли, чтобы получить на них киноварные резолюции.

– Господин Сяо?

Кто-то узнал Сяо Чжоцина и с улыбкой шагнул навстречу, завязывая беседу:

– Вы ведь поступили на службу к Его Величеству обучать его грамоте? Сегодня же ваш первый день, верно?

Сяо Чжоцин поднял на него взгляд. Фиолетовые одежды, кожаный пояс, на вид около сорока лет, с добрым выражением лица. Сам невысокий, худой, говорил с ганьчжоуским акцентом, а руки, державшие доклад, покрывали грубые мозоли – с первого взгляда было ясно, что происхождением он из низов.

Это был не кто иной, как заместитель министра финансов Юань Чэнван. Тремя днями ранее на ночном банкете в Нефритовом зале, когда Ли Хэюн разжигал страсти, этот человек поддакивал ему со стороны.

– Господин Юань, – Сяо Чжоцин кивнул ему. – Этот подданный как раз идет из двора Изогнутой Террасы.

– Давно наслышан о талантах господина Сяо! И то, что ныне вы служите Его Высочеству и Его Величеству – поистине великое благо для Великой Шан! – заговорщицки понизив голос, Юань Чэнван подался вперед. – Как нынче здоровье Его Величества? Всё так же не желает браться за книги?

Окружавшие их чиновники тут же наострили уши.

Сяо Чжоцин опустил ресницы, искусно уклонившись от ответа:

– Искренность способна расколоть даже металл и камень, полагаю.

– Ох, господин Сяо, вы и впрямь здесь!

В этот момент раздался пронзительный и радостный голос со стороны крыльца главного зала.

Сяо Чжоцин поднял голову и увидел, что из дверей выглядывает сам глава управления ритуалов Чэнь Шэнь. Заметив его, Чэнь Шэнь просиял улыбкой и, семеня ногами, кубарем скатился по ступеням.

Шелка его питоновой ризы взметались в воздухе, а лицо расплылось в улыбке, точно распутившийся хризантемовый бутон.

Ныне при дворе не было фигуры влиятельнее него. Благодаря правилам, установленным еще Тай-цуном, в его руках находилась великая печать, и он сделался единственным близким к князю Лянь евнухом. И он чрезвычайно дорожил этой ролью: всякий раз во время обсуждения государственных дел в Вэньюань гэ он проявлял такое усердие, будто приходился князю Лянь родным сыном.

Чиновники шести министерств, стоявших у подножия лестницы, поспешно расступились, давая дорогу. Даже тот сановник третьего ранга, с которым только что беседовал Сяо Чжоцин, умолк, повернулся и отвесил Чэнь Шэню почтительный поклон:

– Наставник Чэнь.

Чэнь Шэнь лишь небрежно махнул рукой – весь его мир сейчас сузился до фигуры Сяо

Чжоцина, стоявшего среди сотен чиновников с поистине благородной и горделивой осанкой.

– Господин Сяо, Его Светлость князь Лянь вспоминает о вас добрым словом уже всё утро! Как только подошло к концу занятие с Его Величеством, он велел этому рабу проявить особую бдительность и непременно добиться вашей встречи!

Голос у Чэнь Шэня был звонкий, и его слова эхом раненой птицы метались перед тихим главным залом, резая слух.

Сяо Чжоцин прекрасно понимал: всё это разыгрывалось напоказ чиновникам, дабы и ему самому дать пищу для размышлений.

Он едва заметно кивнул, сохраняя бесстрастный вид.

Чэнь Шэнь тут же согнулся в три погибели:

– Прошу вас, господин Сяо, сюда, пожалуйста сюда.

Главный евнух управления ритуалов шел впереди, указывая дорогу, а всемогущий регент ожидал внутри. Проходя мимо выстроившихся по обе стороны сановников, Сяо Чжоцин физически ощущал тяжесть сотен глаз, устремленных на его спину.

До сегодняшнего дня прославленный в столице господин Чжоцин слыл человеком независимым, чуждым всяких партий. Он не лез в чиновные дразги, не поддавался на уговоры и снискал безупречную, легкую, как крыло бабочки, репутацию, которой суждено было пережить века.

Но отныне каждый знал: молодой господин Чжоцин переметнулся к князю Лянь.

Его чин был жалован князем Лянь, и служил он отныне тоже князю Лянь. Тот факт, что князь удостоил его столь высокого внимания и нарочно велел караулить у Вэньюань гэ ради простой встречи, красноречиво говорил о том, какой огромной победой стало это предательство для партии князя.

Сяо Чжоцин без тени смущения поднялся по каменным ступеням, и тяжелые двери Вэньюань гэ под взглядами сотен чинов медленно затворились за его спиной.

Изнутри донесся довольный смех князя Лянь.

Ли Хэюна нынче в кабинете не было, зато собрались все его верные приспешники. Сановники чинно восседали на скамьях поодаль, в то время как князь Лянь занимал главное место во главе стола, с улыбкой вглядываясь в вошедшего Сяо Чжоцина.

Чэнь Шэнь, подобострастно сгибаясь, проводил гостя до места и лично плеснул ему чаю.

- Ну как прошел твой первый день наставничества у Его Величества? - с ласковой улыбкой осведомился князь.

Сяо Чжоцин заранее знал, что князь начнет прощупывать почву.

- Его Величество... к чтению равнодушен, зато боевыми искусствами владеет весьма недурно, - не моргнув глазом и сохраняя абсолютную невозмутимость, произнес он. Во дворе Изогнутой Террасы по-прежнему оставались самые надежные ищейки князя. - К счастью, этот подданный заранее приготовил подарок: пусть Его Величество и невзлюбил меня с первого взгляда, но ради подношения соизволил просидеть в зале целый час.

- Прекрасно! - князь Лянь не скупился на похвалу. - Есть успехи - значит, дело сдвинулось с мертвой точки!

Игра выглядела излишне наигранной, и Сяо Чжоцину оставалось лишь опустить глаза, делая вид, что он не замечает столь прозрачных фальшивых нот.

Князь Лянь продолжил:

- Ты уж уделяй Его Величеству побольше внимания, будь предельно осторожен и наблюдателен. Быть может, капля за каплей камень и сточится, глядишь - хвороба императора и отступит? Коль заметишь хоть малейший знак к улучшению, непременно доложи этому князю!

Он едва ли не открытым текстом приказал шпионить за малолетним императором.

Сяо Чжоцин молча опустил взгляд.

С таким скудным умом и столь примитивными методами политической игры – кабы не сюжетная броня из романа, разве смог бы этот человек удерживать власть все эти годы?

Я понимаю, что вы спешите, но не могли бы вы, ради приличия, перестать так суетиться?

Остальные чиновники, очевидно, мыслили в том же ключе, что и их господин, и наперебой принялись помогать князю Лянь «выкрутиться»:

– Истинно так! Князь денно и нощно убивается из-за хвораго государя, право слово, он бы и рад сам перенести этот недуг вместо него!

– Эх, если бы Его Величество исцелился, князь наконец обрел бы душевный покой...

А Чэнь Шэнь и вовсе принялся утирать слезы краем рукава, будто его задела за живое.

– Ваша Светлость, вы ведь и так положив все свои силы на государственные дела, а если станете еще и так терзаться из-за государя, то разве выдержит ваше брненное тело?!

Сяо Чжоцин поднял глаза.

Восседавший на почетном месте князь Лянь в последнее время явно не бедствовал в плане харчей: лицо его лоснилось от сытости, а живот стягивал роскошный нефритовый кушак, образуя вполне себе упругую округлость – ни о каком смертельном истощении, о коем голосил евнух, не было и речи.

И тем не менее Чэнь Шэнь рыдал так искренне и истово, словно и впрямь готов был пасть за князя смертью храбрых.

Сяо Чжоцин молча оборвал этот дешевый спектакль:

– Ваша Светлость может не тревожиться. Воспитание и просвещение не терпят суеты. Этот подданный полагает, что сперва следует вернуть Его Ветельству душевное спокойствие, а как только у государя пробудится интерес к учебе, я тотчас же обсужу с Вашей Светлостью дальнейшие шаги.

Запрос князя Лянь отличался изрядным абсурдом, но Сяо Чжоцину пришлось, глядя на этот

испорченный билет, выводить безупречный и правильный ответ.

Лицо князя закономерно озарилось довольной улыбкой:

– Чудно, прекрасно! Раз уж господин Сяо столь усердствует при особе государя, этот князь может спать спокойно!

Придворные закивали в знак согласия, а источавший слезы водопадом Чэнь Шэнь торопливо протер глаза.

Добившись желаемого удовлетворения от публики, Сяо Чжочин поднялся со своего места и совершенно естественно произнес:

– На днях в моем доме выдалась страшная суматоха, и душа моя не на месте. Раз уж дела в императорском дворце завершены, этот подданный позвольте откланяться и отбыл домой.

На сей раз князю даже не пришлось открывать рот – Чэнь Шэнь уже спешил вытереть остатки слез, перехватывая инициативу:

– Ой, а какие же трудности приключились у вас дома, господин Сяо?

Сяо Чжочин покачал головой:

– Пустяки. Просто в последнее время какой-то проходимец повадился досаждать нам своими визитами. В доме же остались лишь мы вдвоем с сестрой, вот она и пугается всякий раз.

Услышав это, князь Лянь, до того скучавший, тут же оживился.

О любовных похождениях семейки герцога Янь он еще несколько дней назад слышал краем уха от Чжао Жуна. По столице ползло столько слухов, версий насчет происходящего ходило великое множество, и пойдя разбери, где правда, а где ложь.

– Что за наглец такой? С каких пор ничтожные пройдохи смеют соваться в резиденция герцога Янь?

Ключевая рыба клюнула.

Сяо Чжочин опустил ресницы:

– Некто по имени Ван Юань. Возжелал красоты моей сестры, вот и крутится вокруг, распуская грязные слухи.

Имя «Ван Юань» прозвучало из его уст четко и отчетливо.

А князь Лянь всю предавался празднуемому любопытству:

– Ого! Давеча сказывали, что старшая барышня из рода Сяо – несравненная красавица. Неужто и вправду так хороша?

Сяо Чжочин: – ...

Ваша Светлость князь Лянь, вы вообще помните, как с людьми разговаривают?

В тишине Вэньюань гд повисла могильная тишина. Даже прожженный мастер интриг евнух Чэнь на миг лишился дара речи.

– Кхе... кхе-хе-хе-хе... – сообразив, что обсуждать красоту чужой сестры в таком ключе было не совсем уместно, князь поспешно сменил пластинку. – Так... как ты говоришь, звали этого плута? Откуда он взялся?

– Ван Юань, – с ангельским терпением повторил полное имя злодея Сяо Чжочин. – Сказывают, будто сей малый выдумал какую-то личную вещь в качестве залога, а теперь шатается по дворам сильных мира сего и предъявляет претензии, возмущая покой всей столицы. Пару дней назад он заявился на порог к министру общественных работ господину Хуану, откуда его с позором вытолкали метлой.

– Ого-го, Ван Юань... – князь Лянь, чувствуя неловкость за недавний промах, тут же рубанул ладонью воздух. – А ну-ка, разыщите этого вашего Ван Юаня! В самой Ецзине, под самым носом у Сына Неба, разве дозволено всякому сброду заниматься столь наглым мошенничеством?

Только этого от него и ждали.

Сяо Чжочин, чинно сидевший в глубине зала с прикрытыми глазами, едва заметно изогнул уголки губ.

Ван Юань искренне полагал, что небеса порой бывают вполне справедливы к простым смертным.

Жизнь в башне Обитель Весны – роскошная, безмятежная, в окружении писанных красавиц – казалась ему не иначе как земным раем.

Каждый день он предавался праздности, попивая вино, смакуя деликатесы да разглядывая хорошеньких девиц. Братки время от времени подкидывали ему звонкую монету на карманные расходы, а Юнь Циэр усердно изображала услужливую горничную. Жизнь определенно удалась.

Но даже от самого сладкого меда через месяц начнется изжога.

И пока Ван Юань ломал голову над тем, как быть дальше, его верный кореш Шэн Лэй вовремя подкинул отличные вести.

– Этот Сяо Чжоцин не соврал! Материал для этого мешочка – не что иное, как дарственная ткань двадцать третьего года правления девизом Сюаньхуа. Таких отрезков на весь свет наберется с гульки нос, и покойный император раздаривал их лишь самым близким людям. Я велел людям проверить: узор на каждом куске уникален! А вот эти тыковки вышили в подарок для резиденции князя Цзин!

– Резиденции князя Цзин? – Ван Юань закинул ногу на ногу. – Ты меня за дурака не держи. Откуда в Ецзине взяться резиденции князя Цзин?

– Тьфу ты, деревня! – возмутился Шэн Лэй. – А какой титул носил князь Лянь до того, как у него отобрали наследный титул?

Ван Юань почесал затылок.

Шэн Лэй тут же выдал следующий козырь:

– А ты в каком году родился?

– В двадцать пятом при Сюаньхуа, ну.

– Так вот же оно! – Шэн Лэй грохнул кулаком по столу. – В том году князь Лянь еще звался князем Цзин! Летом двадцать четвертого года Сюаньхуа он сопровождал Тай-цуна в поездке по южным землям, а ты появился на свет осенью следующего года. Сам прикинь по срокам, всё же тютелька в тютельку сходится!

После такого у Ван Юаня отпали последние сомнения.

Он в упор уставился на зажатый в руке парчовый мешочек и несколько мгновений молчал, после чего выдал себе под нос полупшепотом, словно в бреду:

– Капец...

Он подорвался с места так резко, что стул рухнул на пол, и, зажав вещицу в кулаке, бросился к выходу.

– Эй-эй-эй, ты куда?!

А сам Ван Юань уже думал: «Дебил, куда еще?!»

Он-то сразу смекнул, что небеса к нему благосклонны. Раз уж ему выпало угодить в попаданцы, разве мог он родиться каким-то безродным статистом?

Еще в самый момент перемещения, зажав в кулаке этот самый злосчастный мешочек, он нутром чуял: его родословная не может быть простой. Если не княжеская кровь, то по меньшей мере миллионное состояние!

Кто бы мог подумать, что его пропавший без вести папаша – это...

– Ясное дело, в резиденцию князя Лянь! – заорал он во всю глованку. – Чего стоим? Идем родню навещать, отца родного повидать!

<http://bllate.org/book/18810/1865679>